

.....

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИОННЫХ ПЛОЩАДОК

.....

УДК 13:316.722 (575.2)"18/19"

Дж. А. Алтмышбаева,
канд. филос. наук, доцент
кафедры философии науки,
Кыргызско-Российский Славянский
университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина,
г. Бишкек

ИДЕЙНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СТАНОВЛЕНИЯ ФИЛОСОФСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ КЫРГЫЗОВ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Освещены некоторые аспекты становления философской и общественно-политической мысли кыргызов на основе устного народного творчества и политических событий конца XIX и начала XX вв. Рассматриваются духовные аспекты культурной жизни кыргызов данного периода, а также возможность признания содержания литературного творчества этого периода в качестве философии.

Ключевые слова: *рациональность, иррационализм, критерии философского знания, повседневность, жизнь, свобода*

В конце XIX и начале XX вв. замкнутый характер духовного мира киргизов все же был нарушен российским революционным движением. К моменту первой русской революции общественное сознание кыргызов сделало новый шаг по пути перехода от обыденно-житейского к рационально-критическому осмыслению окружающей действительности, т. к. историче-

ски в кыргызском обществе трудящиеся содержались в беспрекословном подчинении пропаганде религиозно-мистических и шариатских проповедей. В этих условиях народные массы обращались к мудрости народного творчества, т. к. именно литература того времени была основным средством синтеза существенных черт общественного сознания народа. Именно под влиянием этих идей передовая часть киргизов сделала предмет своего размышления о сущности жизни не сказочный мир, а реальную собственную жизнь, что в свое время заметил известный востоковед В. Радлов, делавший в то время записи песенного творчества северных кыргызов [1, с. 8]. С незапамятных времен истории кыргызов известно, что главной темой их художественного творчества были песни малые и большие, отражавшие социальную тематику. Эпические произведения составляли ядро всего поэтического творчества народа. Вероятно это объясняется колониальным положением народа. Стремление к свободе и независимости родины сделало эпическое произведение общенациональным выражением этой, в тех условиях еще несбыточной мечты. Социальная тема занимала видное место в песенном творчестве акынов прошлого. «Акыр Заман», «Зар Заман», «Тар Заман» у акынов-заманистов, «Беш каман», «Кабыргама Таш Батты» и другие песни — у акынов народно-демократического направления говорят о том же [2]. Общей темой для них оставалось достижение национальной свободы и независимости родины, у всех политическая тема находилась в центре песенного творчества.

Похоже, социально мыслящие акыны понимали, что судьба отечества зависит не столько от Аллаха, как об этом думали раньше соотечественники, сколько от непосредственных социальных отношений, господствовавших в то время в России. Об этом свидетельствуют осуждения акынами-демократами имущих классов как виновников людских страданий, нищеты, бесправия. Дальнейшее усиление пропаганды революционных идей среди местного населения и приобщение кыргызов к клас-

совой борьбе привело их к истинному пониманию механизма общественного развития. В условиях дифференциации социальных классов самого киргизского общества все более проявлялись имущественные различия и классовый антогонизм.

В целом структура общественного сознания дореволюционных кыргызов складывалась из религиозных, житейско-повседневных, этических, эстетических, естественно-познавательных взглядов. Говорить о теоретических компонентах картины мира не приходится. При обосновании самобытности собственно кыргызской философии и культурных ценностей обычно наталкиваются на проблему соотношения «особенности» и универсализма. Прежде всего, философия, по определению, знание универсальное. С другой стороны, духовная культура основана на одних и тех же принципах. Кроме того, язык философии — это язык не повседневной практики, а язык, говорящий об опыте, причем критичный, выносящий свое суждение о действительности. В этом смысле язык эпических произведений обязательно наполнен критическими суждениями, и этот язык отделен от языка повседневной практики, т. к. говорит о «высоких материях»: судьбах народа, выдающихся, героических делах, о нравственном долге, о предательстве, героизме, преданности, мудрости и т. д., о чем говорит в более абстрактной форме социальная философия, этика и в целом экзистенциализм в начале XX века. Тогда как «традиционная мудрость» настаивает на сохранении принятого образа поведения ссылкой на обычай предков. Ее целью является сохранение в памяти определенных форм действий, практики, а не их идеологическое объяснение или оправдание. Идеология, духовная культура еще не представляли собой особого культурного образования и, как правило, были слабо оформлены институционально: социальная структура представлялась воплощением ценностной структуры и не находилась с ней в каком-либо несоответствии. Тем не менее, уже в конце XIX и начале XX вв. указанная проблематика четко просматривает-

ся практически во всех направлениях оформлявшейся общественно-политической и философской мысли киргизов. Такой общепринятый критерий рационалистического мышления, как наличие письменности, обычно используется как показатель наличия в общественном сознании рационализма. Ее неразвитость или отсутствие дает повод отказывать народу в наличии рефлектирующего сознания, а вместе с ним и сдвига в общепринятом образе мышления, приводит к признанию, что слова оказываются прочно привязанными к определенному контексту, к необходимости прибегать к заученным магическим формулировкам и соответственно к магическому периоду состояния общества. Во-первых, постоянное присутствие в составе крупнейших государственных образований, то ли собственного государственного образования (IX век), то ли в составе караханидского, саманидского, монгольского, джунгарского, российского государств не лишало образованности определенной верхушки общества, что позволяло испытывать не только иное идеологическое влияние на уровне религии и даже философии. Не стоит забывать о том, что именно главы родов исполняли роль главных идеологов и состояли на государственной службе у правителей этих государств, иногда даже выполняя функции этих правителей (вспомним из истории небезызвестного Мухамеда-Кыргыза или Махмуда Газневидского [3, С.42–43]). Да и деятельность Махмуда Кашгарского [4] по созданию словаря тюркского языка объясняется далеко не «озарением» деятеля-одиночки, как и философско-поэтический дар Бабура [5]. Не только государственная деятельность, но и соответствующая духовная атмосфера этих государств требовала не только воспитания, выработки управленческих и военных знаний, ведь наряду с талантами полководцев, все вышеперечисленные высокообразованные деятели имели и достаточно высокоразвитые организаторские навыки. С развитием общества и приобщением к другим культурам они были вынуждены получать об-

разование, каким бы доморощенным оно не казалось тем же европейским исследователям. А если вспомнить, что европейский Ренессанс обязан в том числе арабоязычным источникам античной философии, то становится понятным, что даже кочевые народы так или иначе оказывались причастными к воздействию духовных культурных ценностей. Орхоно-енисейская письменность (XIX век) основаниями уходила в арамейское письмо [6, с. 12, 13, 46], а эсхатологические, мистические идеи акынов-заманистов перекликались с культурными конструктами не только тюркоязычного мира, но акмеистов и всей европейской поэзией и литературой. На территории Кыргызстана мирно соседствовали в течение всего периода истории три мировые религии: христианство несторианского типа (привнесенный сирийцами), буддизм не только тибетского толка, хотя именно его сюда привнесли тибетцы в период недолгого правления в Средней Азии, и Ислам, привнесенный правителями Средней Азии, а столкновение культур безусловно рождает особенно высокую духовную культуру. Это состояние эпохи объясняется тем, что все эти идеи витали в воздухе и, невзирая на различие языков и культур, передавались на расстояние. Правда не стоит забывать и о социально исторической обстановке того периода времени. Можно предположить, что татарские муллы, выступающие в качестве проповедников и учителей, с середины XIX века наводнившие степи и горы Центральной Азии, приносили с собой не только исламистские религиозные идеи, в том числе эсхатологические, а также суфийские дервиши, всегда пользовавшиеся влиянием в Средней Азии, разносили мистические настроения [3, с. 80]. Этим настроениям способствовала и сама социально-политическая обстановка, когда в обществе постоянно висела угроза военных столкновений не только с соседними народами: в течение всего периода истории киргизского народа его независимости угрожал Китай, монголы, затем Афганские правители, Казахское хан-

ство, Кокандское ханство и т. д. Кыргызы страдали также и от вечной межродовой грызни, часто бескомпромиссной и жестокой, осложненной колониальной зависимостью — ситуация не способствовала оптимизму... В отношении структуры духовной жизни кыргыза следует разграничить обыденное сознание и прагматический характер социального действия рядового члена традиционного общества и религиозной сферой, относящейся в данном случае к надстроечным явлениям. На повседневном уровне нет нужды обращаться к высшей метафизической санкции, здесь определяющими являются прагматические соображения. Эта санкция важна при выработке первоначального плана действия и в оправдании его результатов, а также при передаче форм деятельности и поведения от поколения к поколению. Конечная цель ценностной ориентировки состоит в выработке общего механизма поведения и деятельности. Но одним из главных факторов, требующих постоянной «верховой координации» действий обыденного уровня, является угроза непривычного, возникновения кризисных обстоятельств, стихийных бедствий и т. п., которые для своего преодоления требуют мобилизации всех сил коллектива. От степени готовности в «мирное время», от степени неизменной сплоченности коллектива непосредственно зависела его выживаемость. Этическая интерпретация природных сил (эпос Кожо-жаш) оказывалась эффективной именно потому, что она давала возможность обращения к единственной силе, подвластной коллективу, — его сплоченности. «Мсть» предков или стихий искупалась или устранялась соблюдением норм коллективного поведения. Это создавало установку на устранение самой возможности невольного или бессознательного проступка, установку на максимальное подчинение жизни каждого индивида интересам «органического» сплочения коллектива. Все собственно частное, личное, особенное отводилось на «периферию мирной повседневной жизни». Хранителями этого сознания, «высшей» мудрости, выходя-

щей за рамки повседневности, оказывались старики. Здесь стоит отметить неоднозначность данного термина: он может означать как духовный сан, так и образованного человека.

Да, на первичном уровне еще не было философского сознания, но концепции, восходившие к традиционному материалу и дававшие систему его рационализации, уже обладали признаками философского осмысления. Они ставили проблему соотношения образа и вещи, человека и мира, сознания и практики, идеального и материального. Установленное различие служило для ориентации способа действия. Здесь нет еще «прорыва пелены мифа» и перехода к «естественному объяснению» всего происходящего, а есть лишь продолжение мифа в теоретическом мышлении, тем не менее мы имеем дело с философией. «Осмысление» мифологического материала в советский период представляет собой уже иную форму сознания. Эта работа осуществлялась с определенных идеологических позиций в условиях абсолютной грамотности населения и приобщения его в общем к научному мировоззрению, поэтому анахронизмом выглядела попытка реанимировать эпос Манас» в качестве теоретической основы новой идеологии в новых условиях транзитного общества, осуществлявшего переход к «свободному рынку». Такие теоретические представления позволяют установить «сосуществование» традиционно-мифологического уровня сознания с теоретико-идеологическим, представляющим собой своеобразную теоретическую «надстройку» над примитивными и религиозными верованиями, при котором низы, лишенные традиционного уклада, погруженные в нищету, противостоят современной правящей верхушке, представляющей «свое» общество в системе мировых связей. Такая попытка была предпринята руководством страны уже в 90-е годы XX в. И эта попытка не случайно оформилась в условиях повального «увлечения» бывших республик СССР идеями национального единства. В условиях политического и экономического кризиса идеи национализма оказыва-

лись всегда удобным средством решения внутренних проблем за счет «других»...

Список литературы

1. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных тюркских племен. Т. V. СПб., 1885.
2. Антология Киргизской поэзии. М., 1957.
3. Академик В. В. Бартольд. Общие работы по истории Средней Азии // Соч. Т. 2. Ч. 1 / В. В. Бартольд. М., 1963.
4. Чоротегин Т. Труд Махмуда ибн Хусейн ал-Кашгари «Дивану лугати ат-тюрк» (1072–1077) как источник по истории тюркских народов Тенгри-Тоо и внутренней Азии : автореферат дис. д-ра ист. наук. Бишкек, 1998.
5. Бабур Захир ад-дин Мухаммед. Бабур-наме (Записки Бабура). Ташкент. 1996.
6. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана. Ленинград, 1927.